

Символика птиц у калмыков

Михаил Убушаевич Монраев¹, Александр Борлаевич Лиджиев²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
(д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
E-mail: kelen@kalmsu.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
(д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: juwali@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Монраев М. У., Лиджиев А. Б., 2020

Аннотация. В статье раскрывается символическое значение некоторых видов птиц, присутствующее в традиционных представлениях калмыков. Как правило, за различными видами птиц в культуре народа закреплена собственная символика, которая может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Рассматривается приписываемая конкретным видам птиц роль вестников. Выделена связь символики образов птиц с тотемизмом, в частности с выбором тех или иных видов птиц тотемами разных этносов. Проведено сопоставление с символикой образов птиц у разных народов. Актуальность исследования продиктована необходимостью раскрыть основные характеристики символов образов птиц, которые являются такими же древними, как и любые другие символы, присутствующие в жизни человека. В исследовании рассматриваются орнитонимы калмыцкого языка с этнолингвистической точки зрения. Орнитонимы широко представлены в произведениях фольклора калмыков и других монгольских народов: в сказках, пословицах, поговорках и других жанрах фольклора.

Ключевые слова: птицы, символ, символизм, калмыки, монгольские народы, орнитонимы, тотемизм

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 19-012-00531 «Лексика материальной культуры калмыцкого языка: опыт этнолингвистического исследования». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Монраев М. У., Лиджиев А. Б. Символика птиц у калмыков // Desertum Magnum: studia historica 2020. № 2. С. 78–86. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-78-86

UDC 39

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-78-86

Bird Symbolism in the Perception of Kalmyks

Mikhail U. Monraev¹, Alexander B. Lidzhiev²

¹ Kalmyk State University named after B. B. Gorodovicova (13, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor
E-mail: kelen@kalmsu.ru

² Kalmyk State University named after B. B. Gorodovicova (13, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
E-mail: juwali@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Monraev M. U., Lidzhiev A. B., 2020

Abstract. The article describes the symbolic meaning of the image of some bird species existing in the Kalmyk traditional perception. As a rule, different species of birds in the culture of a nation have their own symbolic meaning that can have both positive and negative connotation. The article analyzes the role of messengers referred to different species of birds. The article points out the link of the bird symbolism with totemism and in particular with the selection of this or other species of birds for totems of different ethnic groups. There was a comparative analysis of the bird symbolism among different nations. The study is of great importance as there is a need for revealing the main characteristics of bird image symbols which are as ancient as any other symbols existing in the life of people. The article analyzes the ornithonyms of the Kalmyk language from the ethno-linguistic point of view. Ornithonyms are widely represented in the folklore of Kalmyks and other Mongolian nations: in the fairy tales, proverbs, sayings and other folklore genres.

Keywords: birds, symbol, symbolism, Kalmyks, Mongolian nations, ornithonyms, totemism

Acknowledgement. The study was conducted with the support of RFBR under the scope of the project № 19-012-00531 “The lexis of the material culture of Kalmyk language: the ethno-linguistic research”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the

financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Monraev M. U., Lidzhiev A. B. Bird Symbolism in the Perception of Kalmyks. In: *Desertum Magnum: studia historica*. 2020. No. 2. Pp. 78–86. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-10-2-78-86

Настоящая работа посвящена этнолингвистическому исследованию стереотипов восприятия птиц в традиционной культуре калмыков и других монгольских народов. В работе представлены наиболее распространённые среди калмыков символические представления о пернатых. Этнолингвистическое исследование орнитонимов и их символики в калмыцком языке находится на периферии научных изысканий, этим обусловлена актуальность и научная новизна представленной работы. Актуальным является также необходимость показать и раскрыть символику образов птиц, поскольку эта символика присутствует в жизни человека с древних времен.

Данное исследование базируется в основном на фольклорном и этнографическом материале. Символика образов птиц занимает особое место в традиционных представлениях калмыков о мире, что объясняется во многом кочевым образом жизни народа, который обуславливал особую близость людей с природой. Как правило, каждый этнос имел свою систему символических понятий о животных и птицах, которая вписана в картину мира этих народов и помогает понять их мировоззрение. Орнитомы широко представлены в фольклоре калмыков и других монгольских народов: сказках, пословицах, поговорках и других жанрах фольклора. За различными видами птиц в культуре народа закреплена символика, которая может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию.

Важной причиной, формирующей отношение к птицам, является представление об их принадлежности к верхнему пространству: люди считали, что они имеют божественное происхождение или сами являются божествами. В мифологии многих народов с птицами связывают свое происхождение некоторые этносы, племена или роды, о чем свидетельствуют легенды и мифы, повествующие об их возникновении. Таких птиц обычно считали благородными или чистыми, священными, их обожествляли, им придавали символическое значение, они часто фигурировали в качестве тотема. К благородным относят обычно хищных птиц. Как правило, это орел, его культ чрезвычайно распространен среди монгольских народов [Эрдэнэболд 2012: 75]. Самым почитаемым является орел (калм. *бургд*), он упоминается в мифологии и фольклоре монгольских народов и считается ханом среди птиц. У бурят орел считается священной птицей, его называют: нойон, царь (бур. *шубуун-нойон*, *хан-*

бүргэд) [Михайлов 1980: 77]. У монгольских народов культ существовал культ орла и сохранилось изречение «Отец — царь орел, мать — царица гаруди» [Эрдэнэболд 2012: 77]. У монголов есть род *бүргэд* ('орел'), хотя в источнике переводится как 'сокол', ведущий свое происхождение, согласно преданию, от трех мальчиков, найденных в гнезде орла [Очир 2016: 59]. От другой благородной птицы ведет свое происхождение монгольский род *шонход*, множественное число от *шонхор* ('сокол, кричит'), данный этноним может происходить от названия тотема или от рода занятий, т. е. представители этого рода могли разводить этих хищных птиц [Очир 2016: 259]. К чистым, или священным, птицам относили лебедя, например, некоторые олётские князья вели свое происхождение от дочери Неба Хан Хормуста-тенгри, предстающей в образе лебедя [Эрдэнэболд 2012: 73]. Еще один ойратский субэтнос, байты, также считали, что лебедь является их прародителем [Эрдэнэболд 2012: 73]. Бурятское племя *шошолог* также считало своим предком лебедя — священную белую птицу [Содномпилова 2009: 325]. Среди тех, кто считает своим предком лебедя, стоит упомянуть и хоринцев [Очир 2016: 216]. Реже среди тотемных птиц упоминается журавль. Так, среди монголов имеются род *тогоруутан*, он делится на *ар тогоруутан* и *өвөр тогоруутан* (северных и южных), которые упоминаются в «Сокровенном сказании» [Очир 2016: 161–162]. Среди монгольских народов существует родовое название *шаазгай* ('сорока'), восходящее к названию почитаемой птицы, которая является тотемом данного рода [Очир 2016: 251]. Тотемом также считалась и синица — *көк шовун*, ей поклонялись представители рода Буха-нойона, делая весной подношение мясными продуктами [Очир 2016: 51].

Наиболее известным тотемом у алтайских народов является ворон. Этноним «керейты» входит в состав как монгольских, так и тюркских этносов. Этноссы, считающие своим тотемом ворона, жили в XI–XII вв. в районе рек Завхан, Орхон и Тола и образовали керейтское княжество. Впоследствии тотемное название правящего рода превратилось в этноним [Очир 2016: 234–235]. Тотемизм является распространенным явлением у народов Центральной Азии, многие тотемические мифы имеют сходный сюжет, что важно для понимания символики животных у монгольских народов.

К почитаемым птицам у монгольских народов относится коршун (калм. *элэ*). Среди ойратов, например, была запрещена охота на коршуна. Буряты также почитают коршуна, но менее, чем орла [Эрдэнэболд 2012: 77].

Особо почитаемой птицей у калмыков был лунь (калм. *хулд*). Завидев его, обязательно снимали шапку и кланялись. Увидеть луня, отправляясь

в путь, считалось хорошей приметой, особенно если правое крыло пролетающей птицы было направлено к идущему, считалось, что тогда все задуманное исполнится. «Черный конец крыльев луны калмыки считают письмом девы неба. Лунь поэтому считается святой птицей, и его никто не должен трогать» [Душан 2016: 164–165].

Как было сказано выше, люди разделяли птиц на «чистых» и «нечистых» [СД 4 2009: 345], как правило, к чистым часто причисляли лебедя. Лебедь — это один из самых распространенных образов в мифологии, фольклоре и литературе многих народов, в том числе калмыков. Калмыки считали лебедя священной птицей, к которой они относились с большим почтением и суеверным страхом. На лебедей охотиться могли только люди благородного происхождения, для простого человека охота на лебедя требовала предварительного соблюдения определенных условий, в противном случае с человеком и его семьей могло произойти несчастье [Душан 2016: 195–196]. Почтительное отношение к лебедям, *хун шовун*, сохраняли и представители монгольского рода *булгадар*. Провожая лебедей осенью в теплые края и встречая весной, они делали подношение молоком [Очир 2016: 51].

К священным птицам относится также журавль (калм. *тохрун*). У калмыков было запрещено на них охотиться, трогать их яйца и птенцов, бытовало поверье, что журавли способны заклинать, и их заклятие достигает цели [Душан 2016: 196–197]. Согласно поверьям, журавли имели своих духов-покровителей, и они могли преследовать человека, который убьёт журавля [Хангалов 1903: 211]. Считалось плохим предзнаменованием, когда журавли летели над жилищем. Когда такое случалось, калмыки выходили из жилища и плескали водой, отводя от себя неприятности [Душан 2016: 196–197]. Буряты также считали, что если лебеди и гуси пролетят над домом или улусом, люди, в них проживающие, могут заболеть, тогда никто не придет в этот улус [Хангалов 1903: 211].

Ойраты считали священной птицей турпана, которую связывали с образом буддийского монаха: *...эңер шовун болвл ламын сүмстэ шовун» гижэ келдг тул хавр нарч эңер шовун ирхд герин хазадын саң сур тэвжэ сээхн хувцн өмсч угтлһын йосн кедг* ‘говорят, что „турпан считается птицей с душой ламы“, поэтому, когда наступает весна и турпаны возвращаются, надо позади дома воскурить и поставить благовония, надеть красивую одежду, и называется это встречей’ [Namjil 2010: 161].

Также бытует поверье, что лебеди, журавли и турпаны живут парами, если одну птицу убить, то другая проклянет, так как считается, что эти парные птицы никогда не расстаются [Эрдэнэболд 2012: 78].

Помимо лебедя, журавля и турпана, к священным птицам относится гриф. Ойраты наделяли его, как и турпана, чертами сходства с духовным лицом, называя *гелен* (буддийский священник), что было связано

с образом жизни птицы. Считалось, что гриф сам не добывает пищу, а питается падалью. Оставив, согласно обычаю, в степи тело покойника, ойраты наблюдали: считалось хорошим знаком, если первым прилетал гриф [Эрдэнэболд 2012: 78]. Охотники также считали хорошей приметой встретить ворона или грифа, так как, по представлениям ойратов, они привлекали дичь, поскольку дикие хищные животные следуют за вороном и грифом [Эрдэнэболд 2012: 112]. Священной птицей грифа считали и урянхайцы, они после похорон читали специальные молитвы, призывая грифа, награждали его разными эпитетами: *хури хумст* — ‘острокогтистый’, *хури савар* ‘остролапый’, *түрэмгий шувуу* ‘свирепая птица’, *том шувуу* ‘большая птица’ [Эрдэнэболд 2012: 74].

Согласно поверьям ойратов, нельзя было убивать голубей: *көвлжэргн болел өдр болһн маань тоолж бээдг шовун гижэ келдг тул түүниг алвал килництэ гижэ үздг* ‘говорят, что голубь, это птица, которая как будто читает (считает) мани каждый день, поэтому ее убийство считается грехом’ [Namjil 2010: 161]. Подобный запрет на убийство голубя существовал и у славян, которые считали, что нельзя причинять этой птице вред и употреблять ее в пищу, нарушение запрета считалось грехом и могло повлечь негативные последствия [Гура 1997: 612–613].

У ойратов ворон представляет собой зловещую птицу. В их представлениях хтоническая природа воронов проявлялась в их связи с подземным миром, душами грешников и преисподней, а также с подземными кладками [СД 1 1995: 435]. Хтоническая природа подтверждалась цветом птицы. Так, например, у хакасов черный цвет устойчиво соотносится с хтоническим миром [Бурнаков 2010: 347]. Хтонизм присущ не только черным воронам, но также ночным совам, черному дятлу и некоторым другим [СД 4 2009: 346], они противопоставляются белым птицам как зловещие и нечистые. Негативный образ, по мнению ойратов, связан с его образом жизни: «...он является спутником волка и питается кровью, поэтому считают его плохой птицей» [Эрдэнэболд 2012: 74].

Еще одна сторона символики образов птиц заключается в том, что люди их считали вестниками. Подобные представления, очевидно, могли быть связаны с сезонной миграцией, поскольку бытовало поверье, что осенью они улетали зимовать в верхний мир [Эрдэнэболд 2012: 72]. Так, статусом вестника у калмыков обладал ворон, который, как предполагалось, мог предвидеть и предопределять судьбы людей. Он приносил вести из другого мира, обычно предвещал различные несчастья, неурядицы, смерть и пр. Ойраты считали, что ворон предвещает недобрые вести, они называли ворона *хар муу амтай хэмээн* ‘с черной плохой душой’. Хакасы также считали, что «если ворон близко подлетит к дому и будет кричать, обязательно случится беда» [Бурнаков 2010: 346]. По представлениям бурят, ворон был посланником больших черных зайнов,

крик ворона считался плохой приметой. Чтобы отвести беду, приглашали в дом шаманов и брызгали вином и тарасуном (молочной водкой) [Хангалов 1903: 209].

Отношение к вороне, как вестнику, зафиксировано в калмыцких заговорах, например: *сэ кел, сэ кел / сэн зэңг кел / сэн зэңг келхлэчн / сэңгэргэргэ дүүрэг өөк өгнэв / му зэңг келхлэчн / модн ханжсалар шаажэ алнав* ‘говори о хорошем, говори о хорошем, если будешь говорить о хорошем, угощу тебя полным сычугом сала, если принесешь плохие вести, убью тебя деревянным кинжалом’ [Басангова 2018: 31].

Носителем новостей калмыки считали сороку, в культуре многих народов с этой птицей связано много примет и поверий. Бытует мнение, что своим криком сорока предвещает скорое прибытие гостя [Эрдэнэболд 2012: 73]. У китайцев крик сороки также ассоциируется с новостями, чаще с положительными, китайцы считают, что крик сороки — предвестие грядущих радостных событий [Гура 1997: 78].

С птицами был связан и ряд дорожных примет. Появление сороки, например, рассматривалось как благоприятный знак, ее стрекотание толковалось как предвестник радостной встречи. Предвестником несчастья считали встречу с удоном, вороном, образы которых в традиции монголоязычных народов окружены ореолом негативных значений [Содномпилова 2009: 188].

С символикой образа птиц тесным образом связан календарный цикл и календарная обрядность, а также различные погодные приметы. Так, например, ворон, по наблюдениям монголов, хотя и относится к перелетным птицам, но весной прилетает к жилищу людей первым, опережая всех. Считалось, что, если ворона покружится над юртой по ходу солнца, лето будет плодородным [Эрдэнэболд 2012: 73–74].

Монголы придавали особое значение сезонной миграции птиц, весеннюю миграцию встречали с особой радостью, считая прилет птиц добрым знаком: открывали вход в юрту и брызгали молоком [Эрдэнэболд 2012: 72]. Подобным же образом встречали и провожали, делая подношение молоком, лебедей [Очир 2016: 51]. Приход весны также символизировал гогот гуся: *һалун нег доңдхла, хавр ирдэ* ‘когда один раз крякнет гусь, то приходит весна’ [Басангова 2019: 214].

У монголов существовал запрет на разорение гнезд птиц и убийство птенцов [Эрдэнэболд 2012: 128]. Калмыки убийство птенцов приравнивали к убийству гелюнга, творящего добродетельные деяния [Басангова 2019: 213] и считали запретным занятием не только охотиться на журавлей, но даже трогать их яйца и птенцов [Душан 2016: 196–197]. Ойраты считали плохим предзнаменованием убийство ворона [Эрдэнэболд 2012: 129], поскольку полагали: *керэ алхла кезэд хоосн* ‘убьешь ворона — всегда будет пусто’. Это отношение к ворону может являться от-

голоском представлений, отраженных в мифологии соседних народов Южной Сибири, где ворон являлся божеством-хранителем, относился к демиургам и мог быть послан за душой человека [Бурнаков 2010: 346].

Птица в представлениях многих народов считалась посредником между мирами: верхним и нижним. Она являлась символом «другого» мира, олицетворяла собой вместилище душ, выступала в роли курьера между миром живых и мертвых, являлась вестником будущего [Курашкина 2018: 118]. Представление о том, что птицы имеют связь с потусторонним миром, отражалось, например, в том, что обязательным атрибутом одежды шамана являлись птичьи перья, сама одежда должна была напоминать форму птицы. Это объяснялось тем, что птичий наряд необходим для полета в потусторонний мир: «...говорят, что туда легче отправиться, когда наряд легкий» [Элиаде 2015: 151]. Кроме использования «птичьей» одежды, урянхайский шаман, например, при камлании для призыва онгонов имитировал крики ворона, филина, совы [Эрдэнэболд 2012: 162], что также свидетельствует о понимании им связи птиц с потусторонним миром.

Орнитологическая символика не ограничивается описанными выше примерами, тем не менее приведенный перечень является наиболее распространенным и известным — и не только в культуре монгольских и других алтайских народов. Аналогичная символика образов названных в статье птиц является распространенной и представлена в мифологии многих народов мира.

Традиционно у монгольских народов сложился ряд символических представлений, благодаря которым выделялись птицы наиболее значимые и почитаемые. На протяжении долгого времени о них слагались легенды, а в некоторых случаях они стали объектом народных примет и суеверий. Многие приметы и суеверия устарели и не являются актуальными, однако они позволяют реконструировать наивную картину мира этноса и имеют ярко выраженную этнокультурную специфику, в которых сконцентрирован многовековой опыт народа и стереотипы этнического сознания.

Литература

- Басангова 2018 — *Басангова Т. Г.* Ворона в калмыцком фольклоре: приметы, заговор, сказка // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки.* 2018. Т. 12. № 1. С. 30–34.
- Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Журавль в фольклорной традиции калмыков // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2019. № 2 (135). С. 212–217.
- Бурнаков 2010 — *Бурнаков В. А.* Образ врановых птиц в мировоззрении хакасов // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2010. № 4. С. 346–362.

- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 376 с. (Manuscriptum Orientalica).
- Курашкина 2018 — *Курашкина Н. А.* Основные характеристики и виды орнитологических символов // Доклады Башкирского университета. 2018. Т. 3. № 1. С. 115–120.
- Михайлов 1980 — *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Очир 2016 — *Очир А.* Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- СД 1 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь: Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 575 с.
- СД 4 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь: Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
- Содномпилова 2009 — *Содномпилова М. М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- Хангалов 1903 — *Хангалов М. Н.* Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1903. 290 с.
- Элиаде 2015 — *Элиаде М.* Шаманизм и архаические техники экстаза. М.: Ладомир, 2015. 552 с.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX — начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2012. 196 с.
- Namjil 2010 — *Namjil T.* Oyirad mongol-un zang uyile-yin soyol bishirel-un boti. Urumci: Sinjiyang-un arad-un keblel-yin horia. 2010. 457 h.